

DOI 10.17150/978-5-7253-3124-0.17
УДК 347.188(571.53)(-21)(091)
ББК Х623.011.4(2Р-4Ир)г

С.А. ШАЛАМОВА

**МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯЩЕННИКА
СЕМЕНА МИРОНОВА СРЕДИ ИНОРОДЦЕВ
ВЕРХНЕУДИНСКОГО УЕЗДА В 50-Е ГГ. XIX ВЕКА
(ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье впервые представлены биографические сведения о священнике Семене Миронове, которые были выявлены в документах Государственного архива Иркутской области, анализируется его миссионерская деятельность среди бурят и тунгусов Баргузинского округа Верхнеудинского уезда в 50-е гг. XIX века, которая имела региональную и национальную специфику.

Ключевые слова: священник-миссионер, крещение, Верхнеудинский уезд, Баргузинский округ, буряты, тунгусы.

S.A. SHALAMOVA

**MISSIONARY ACTIVITY OF THE PRIEST
SEMYON MIRONOV AMONG FOREIGNERS OF THE
VERKHNEUDINSKY DISTRICT IN THE 50S
OF THE XIX CENTURY (ACCORDING TO THE
DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE
OF THE IRKUTSK REGION)**

The article for the first time presents biographical information about the priest Semyon Mironov, which was revealed in the documents of the State Archive of the Irkutsk region, analyzes his missionary activity among the Buryats and

Tungus of the Barguzinsky district of the Verkhneudinsky district in the 50s XIX century, which had regional and national specifics.

Keywords: missionary priest, baptism, Verkhneudinsky district, Barguzinsky district, Buryats, Tungus.

Деятельность Забайкальской духовной миссии в Баргузинском округе Верхнеудинского уезда на территории современной республики Бурятия в 50-е гг. XIX века, значительно отличалась от Иркутской духовной миссии в Иркутской губернии. Для Забайкалья характерно многообразие представленных здесь религиозных конфессий, специфика национальной культуры, языка, традиций коренных народов издавна населявших эту землю, поэтому миссионерская работа священников на данной территории имела свои особенности.

Ярким примером распространения православного просвещения в Забайкалье является миссионерская деятельность Семена (церковное имя Симеон) Миронова среди бурят и тунгусов Баргузинского округа в 50-е гг. XIX века, сведения о нем отложились в документах 50 фонда Иркутской духовной консистории Государственного архива Иркутской области (ГАИО).

В частности, в клировой ведомости Харатской Михайло-Архангельской церкви Иркутского уезда за 1853 г. о нем известно следующее. В документе указано, что «его возраст 25 лет, он сын пономаря, выпускник Иркутской семинарии, которую окончил с аттестатом второго разряда и был уволен в епархиальное ведомство. 23 декабря 1850 г. архиепископом Нилом рукоположен в дьякона, 25 декабря в священника Харатской Михайло-Архангельской церкви, грамоту имеет. В мае 1853 г. получил от архиепископа Иркутского и Нерчинского Нила благодарность за усердное старание в исправлении ветхостей церкви. В документе сообщается его семейное положение: женат, имеет одного ребенка, супруге Параскеве Яковлевой 20 лет, дочери Зиновии 1 год 2 месяца» [1, л. 33 об.]. Если учесть, что в 1853 г. ему было 25 лет, то соответственно он родился в 1828 году. Однако в документе не указано место рождения священника, которое по документам архива установить не удалось.

В указанной клировой ведомости сообщается о его личных и профессиональных качествах. В графе о количестве прочитанных проповедей отмечено, что «говорил одну чредную проповедь. Поведения хорошего и по должности исправен, никому в причте в родстве не состоял, судим и штрафован не был» [там же, л. 34]. В клировой ведомости Баргузинской Преображенской церкви за 1865 год записано: «18 января 1858 года по воле епархиального начальства был перемещен к Читканской Христорождественской церкви. 27 июня 1858 года в память войны 1853, 1854, 1855, 1856 гг. награжден наперстным бронзовым крестом на Владимир-

ской ленте. 4 июля 1858 года архиепископ Иркутским Парфением за ревностное исполнение обязанностей, возложенных на него награжден набедренником. 4 февраля 1864 года по воле епархиального начальства перемещен к Баргузинской Спасопреображенной церкви. 6 апреля 1865 года награжден скуфьей. Грамоту имеет» [2, л. 4об.- 5].

Указанный документ дополняет его биографию новыми данными о составе семьи. Указан возраст священника – 37 лет, жены Параскевы Яковлевой – 32 года, перечисляются их дети: Зиновия 12-ти лет, Николай 5 лет, Владимир 1 год [2]. Графы о количестве проповедей священника, его поведении не заполнены. Сведений о дате смерти священника в документах 50 фонда установить не удалось, возможно, что данные документы в архиве не сохранились. С образованием Забайкальской епархии в 1892 году документы фонда Забайкальской духовной консистории, в том числе по Верхнеудинскому уезду за 1890-е гг. были переданы в Забайкальскую епархию в г. Читу, также значительная часть документов отложилась в г. Верхнеудинске (г. Улан-Удэ).

Также в клировых ведомостях церковей Баргузинского округа за более поздний период 80-е гг. XIX века (Горячинской Богородской, Читканской Христорожественской и приписной к ней Уринской Казанской, Сувинской Николаевской, Верхнеангарской Николаевской и приписной к ней Нижнеангарской Предтеченской, Баргузинской Спасской) Забайкальской области, которые сохранились в ГАИО, фамилия священника не упоминается [3, л. 2об.- 3].

Интерес для исследователей представляет путевой журнал разъездов священника Читканской Христорожественской церкви Симеона Миронова, который отложился в документах 50 фонда ГАИО. Путевой журнал велся им с 19 ноября по декабрь 1858 года в период поездки по церквям его прихода: Верхне-ангарской и Нижне-ангарской Баргузинского округа Верхнеудинского уезда.

Из документа известно, что 19 ноября 1858 г. священник Семен Миронов прибыл в г. Баргузин и провел некоторое время среди бурят Баргузинской Степной Думы. Судя по отзывам из путевого журнала, его очень радушно приняли члены Степной Думы: Муханов, Сартаев, Карактинов, при этом они свободно объяснялись по-русски. Ему выделили квартиру письмоводителя Думы у крестьянина его прихода. На месте он встретился с учителем бурятского приходского училища с сыном тайши Александром Сахаровым [4, л. 1об.].

Интересны его путевые записки и впечатления из журнала о встрече с высшими бурятскими чиновниками, заседателями Думы, учителем приходского училища. С ними между делом он начал вести беседу о православии, о христианском Боге, о множестве Богов, об их ложности. При этом констатировал, что при таких отличных дарованиях они по-

клоняются идолам» [4]. Реакция на христианское просвещение среди высшей бурятской знати была вполне ожидаемой.

Путевой журнал повествует, что буряты слушали его с большим вниманием, на опровержение идолов не обижались и не оскорблялись. Свидетелями его беседы о православной вере и едином Боге были несколько человек простых бурят. Он записал, что «Я всем им предлагал принять Христианскую веру, но между ними званными еще не открылось ни одного избранного» [там же]. Это свидетельствует об определенной веротерпимости бурят по отношению к другой религии и силе традиционных верований, поэтому нередки были случаи, когда буряты могли быть одновременно и православными и шаманистами.

В комнате учителя приходского училища он впервые увидел божицу с бурятскими идолами. В путевом журнале повествуется о встрече священника с главным бурятским тайшей Сахаром Хамнаевым, чиновником 14 класса, который пользовался всеобщим уважением и почтением среди бурят. С ним священник Миронов вел долгую и просветительную беседу и переговоры до 10 часов вечера, но успеха так и не добился. В своем путевом журнале Семен Миронов отметил: (стиль и орфография документа сохранены): «Тайша ничему и несколько не противоречил. Говорил он нечто в защиту своих богов и своего учения, но так как у язычников множество богов, то заметно было, что и с добрым даром слова тайши, трудно было на возражения с моей стороны защитить всех и учение бурят о переходе душ человеческих в животных, приводило его в замешательство» [там же].

Не получив поддержки местного бурятского тайши, он отправился дальше по бурятским улусам. В путешествии его сопровождало высшее бурятское начальство и оказывало ему всевозможную помощь и содействие: в предоставлении лошадей, жилья, пищи, в переводчиках (толмачах), проводниках, обеспечивало встречи с чиновниками и бурятским населением [там же, л. 53об.].

Однако его усилия по христианскому просвещению местных бурят оказались напрасными, по-видимому, местные традиции и верования оказались сильнее православных убеждений. Здесь происходило настоящее соперничество с буддизмом за народы, исповедующие шаманизм (бурятов, тунгусов), шла борьба мировоззрений. Миссионерская деятельность в отдаленном крае России подверглась негативному воздействию, которое было вызвано непониманием верховной властью задач и заслуг православной церкви. Все это привело к тому, что на первом этапе, Забайкальская православная миссия оказалась малоэффективной и не принесла желаемых результатов.

Более продуктивной оказалась его поездка с миссионерской целью в русскоязычные селения Верхне-ангарское и Нижне-Ангарское Баргу-

зинского округа, в котором, кроме русских крестьян и бурят проживали оседлые тунгусы. Автор заметил, что крещенные оседлые тунгусы более ответственно исполняли церковные обряды, исправно посещали храм, бережно относились к имуществу церкви. Характеризуя местных тунгусов, автор выделяет их добродушие, открытость, простоту, приветливость, легкость в общении, отсутствие хитрости и злобности. Они легко шли на перемену веры.

В данном случае важно подчеркнуть, что тунгусы находились на более низкой стадии развития общественных отношений, в отличие от бурят. Основная масса тунгусов вела кочевой и бродячий образ жизни, занималась традиционными звериными и рыбными промыслами. Их материальное положение было не высоким. Как свидетельствует Семен Миронов, в основном они жили бедно. Но, во время хорошего улова пушных зверей, тунгусы прикладывали к храму соболей и лисиц, а белку постоянно [4, л. 54].

Для осуществления своей православной миссии среди тунгусов Баргузинского округа священник Семен Миронов выбрал наиболее благоприятное и подходящее время года, конец ноября – декабрь, когда происходило массовое скопление тунгусов в станах вблизи крупных селений. К 1 декабря лесные и горные тунгусы стремились попасть в крупные селения для уплаты государственного ясака, чтобы сбить пушнину, приобрести все необходимое для жизни. Они торопились на Нижне-ангарскую ярмарку, куда приезжали Баргузинские купцы с товарами и продовольствием.

В его работе в вопросах принятия новой веры важно было соблюсти все формальности, но при этом не навредить самосознанию инородцев, не оскорбить их религиозных чувств, не насаждать веру, а прививать христианское вероучение. Он учел, что время Поста было более благоприятным для богослужения, поэтому он предложил тунгусам поговорить и причаститься Святых Тайн. «С великой радостью приняли они мое предложение и сразу же испросили себе дозволение у начальников, бывших в то время в Ангарске» [там же, л. 55].

Интересны его впечатления о тунгусах, которые впервые пришли в храм (стиль и орфография документа сохранены): «3 числа января у Вечерни было несколько человек, а 4 числа к утрени собралось 120 человек: 90 человек мужского и 30 человек женского пола. К Богослужению ходили все ответственно, стояли в храме чинно, слушали со вниманием и молились усердно. По окончании каждого богослужения, чтобы не утомить своих слушателей я позволял им садиться на пол, а сам стоя у клироса через толмача (переводчика) довольно опытного говорил им во славу возлюбленного Христа. Вел беседу о сотворении человека, о его падении и восстании через Иисуса Христа, о любви Божьей к человеку [там же].

Семен Миронов отметил в путевом журнале: «Уже 5 января все готовящиеся исповедались, для не умеющих объясняться по-русски тунгусов с требника через толмача был сделан перевод. После Вечерни тунгусам было читано правило. Понимающие русский язык слушали и молились, а не знающие языка – молились. 6 января в день святителя Николая Чудотворца в Храме Божьей матери им было окрещено 120 человек тунгусов, 19 человек детей в возрасте от 15-ти лет и тех, которые родились перед его приездом в Ангарск. Также крещение принял почти 100-летний старец Уронча, который при крещении получил имя Николай» [4].

Затем его путешествие продолжилось в селение Верхнеангарское, в пути его сопровождал купец Цивилев. В путевом журнале он подчеркнул: «После Литургии по милости Бога я крестил 27 человек – тунгусов, тунгусок и их детей от 17-летнего возраста и одномесячных. Потом я опять принял решение по окончании крещения тунгусов выехать из Ангарска. Но, пришедший ко мне в квартиру шуленга передал, что есть еще тунгусы, желающие принять крещение с детьми своими. Они стоят в лесу в верстах 35-ти отсюда. Сколько я не отговаривался, что не имею времени и спешу в Баргузин, давая обещание возложить это дело на местного священника, тунгусы были тверды в своем намерении принять крещение. Наконец, шуленга сказал мне: «Тунгусы так мне сказали, если благочинный откажется крестить нас почему-либо, то мы останемся в прежней вере и с детьми своими уйдем в леса». Убедившись настоятельной просьбой шуленги, я остановился переночевать» [4, л. 2]. Здесь ему удалось окрестить 25 человек тунгусов взрослых и детей. В их числе Баунтовский тунгус-шаман. При этом тунгусские родоначальники уверяли, что среди Нижнеангарских и Верхнеангарских тунгусов род некрещеных окончился, и они все приняли крещение» [там же]. В итоге, в первый день приезда из оставшихся тунгусских семей он окрестил 25 человек, в их числе 2 шуленги. Он указал в путевом журнале, что «два брата тунгусы, не смотря на его настоятельные убеждения, остались при прежних своих заблуждениях» [там же, л. 3].

Таким образом, поездка священника Семена Миронова с миссионерской целью от Читкана до Баунта по тунгусским станам Баргузинского округа, не смотря на трудности в пути, специфику образа жизни местного населения оказалась вполне результативной. Без особых препятствий ему удалось окрестить определенное количество тунгусов, которые прибыли с семьями в рассматриваемые селения для уплаты ясака, на ярмарку, чтобы приобрести все необходимое. Тунгусы, которые проживали на рассматриваемой территории, оказались более открытыми, сравнительно легко шли на перемену веры, уровень их общественного развития и самосознания значительно отличался от бурят. При этом у

них сильны были местные традиции и обычаи. В принятии важных решений они придерживались традиционных взглядов, учитывали мнение главы семьи, наиболее уважаемых и знатных членов родов.

Православная миссия среди бурят на данной территории для простого приходского священника оказалась менее успешной и результативной, так как требовались иные подходы и методы работы с бурятским населением в вопросах веры. Здесь были сильны позиции ламаизма и шаманизма, что существенно ограничивало возможности Забайкальской православной духовной миссии. В вопросах веры, многое зависело от мнения высшей бурятской власти и знати, глав бурятских родов и мнения глав семей.

Православное просвещение среди бурят требовало тщательной подготовки и соблюдения определенных условий жизни местного населения, хорошо обученных кадров, достаточную материальную базу, а также координации совместных усилий высшей власти, церкви и местной администрации в вопросах выбора вероисповедания.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). – Ф. 50. – Оп. ОЦ. – Д. 1369.
2. ГАИО. – Ф. 50. – Оп. 1. – Д. 4948.
3. ГАИО. – Ф. 50. – Оп. ОЦ. – Дд. 2057, 2095, 2223, 2264, 2276.
4. ГАИО. – Ф. 50. – Оп. ОЦ. – Д. 1515.

Информация об авторе

Шаламова Светлана Александровна – кандидат исторических наук, преподаватель Цикловой комиссии Менеджмента и учетно-экономических дисциплин Колледжа БГУ, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, e-mail: Swetlana15x@ya.ru

Author

Svetlana A. Shalamova – Candidate of Historical Sciences, Lecturer of the Cycle Commission of Management and Accounting and Economic Disciplines of the College of Belarusian State University, Baikal State University, 664003, Irkutsk, st. Lenina, 11, e-mail: Swetlana15x@ya.ru